

Уилсон не понял, что задумал Эл, но когда тот вложил ему в руки несколько исписанных листов и жестом велел читать, он повиновался.

Однако... очень скоро Уилсон столкнулся с той же проблемой, что и Чу Сяохань с Цуй Юанем до него. Смотреть-то он смотрел, но что делать, если ничего не понятно?

Уилсон считал свой уровень владения иностранным языком вполне приличным и мог распознать большинство общеупотребительных иероглифов страны С. Но перед этими записями он растерялся.

Цуй Юань, Чжан Сяоху и остальные раньше изо всех сил расхваливали абстрактные рисунки Фэйфэя. Теперь же, когда пришла их очередь, их собственные творения оказались не намного лучше.

Привыкший к аккуратным, профессиональным и лаконичным документам, Уилсон с головной болью разглядывал протянутые ему листы.

Но Эл стоял перед ним с таким видом, будто не уйдёт, пока он всё не прочтёт, и Уилсону пришлось, скрепя сердце, продолжить.

Пролистав все страницы, он наконец нашёл одну, более-менее разборчивую, и понял, зачем Эл пришёл.

Через пять минут Уилсон поднял голову и с ноткой поддразнивания спросил:

— Эл, ты со своими друзьями пришёл подать заявку?

Эл тут же покачал головой.

Уилсон удивился. Неужели он неправильно понял? Но ведь в этом черновике ясно говорилось, что они разрабатывают дизайн для тематического парка.

В следующее мгновение Эл с абсолютной уверенностью заявил:

— Нам не нужно подавать заявку. Нас и так утвердят.

Эл был убеждён в своей правоте и совершенно не допускал мысли, что ему нужно проходить какой-то отбор и обсуждение.

Уилсон на мгновение замер.

— Нет, Эл, послушай меня.

Эл спокойно поднял голову, показывая, что слушает.

Интуиция подсказывала Уилсону, что это затишье перед бурей. С самого детства, если Эл чего-то по-настоящему хотел или решал что-то сделать, чужие слова для него переставали иметь значение.

Так было и до встречи с Фэйфэем, когда Эл увлёкся конфетами. В тот период он, стоило ему вспомнить о них, подходил к любому человеку и требовал сладостей.

Из-за этого Уилсон, у которого тогда ещё не было источника конфет, даже старался не попадаться Элу на глаза.

Но интуиция интуицией, а отказывать всё равно приходилось. Скрепя сердце и чувствуя, как внутри нарастает тревога, Уилсон сказал:

— Эл, малыш, пойми, этот тематический парк — первая крупная инвестиция семьи Уилсон на рынке страны С. От него во многом зависит, будет ли наше дальнейшее развитие успешным. Конечно, Эл, это не причина для отказа, для меня ты важнее всего этого. Семья Уилсон решила выйти на рынок страны С только потому, что мы собираемся здесь обосноваться надолго. Ведь ты уже нашёл свою конфетку, не так ли?

В конце, чтобы разрядить обстановку, Уилсон даже подмигнул Элу.

Эл остался невозмутим.

Отец и сын смотрели друг на друга несколько мгновений, после чего Уилсон сдался, подняв руки.

— Ладно, ладно, это не самая главная причина. Самое главное, малыш, в том, что ты опоздал. Я уже распределил большую часть акций парка в стране С. Кроме доли, которая будет передана местному правительству каждого города в обмен на землю, я раздал ещё несколько частей. Ах да, у наших соседей, например, двенадцать процентов акций. Так что, малыш, теперь в парке не я один всё решаю.

Уилсон говорил о распределении акций так легко, словно делил торт. Он терпеливо пытался объяснить всё Элу, не отмахиваясь от его идеи, как сделали бы некоторые авторитарные родители.

Однако это не меняло того факта, что Уилсон отказал Элу.

Эл поднял голову и пристально посмотрел на отца. Уилсон старался не отводить взгляд. Через мгновение Эл забрал у него свои записи и молча ушёл.

Вечером на обеденном столе в гостиной семьи Уилсон стоял роскошный ужин. Мать, Вира, постучала в комнату Эла и, взяв его за руку, повела в гостиную.

Уилсон, чувствуя лёгкую вину за утренний отказ, специально попросил повара приготовить несколько любимых блюд Эла из кухни страны С.

Эл сел на стул. Мать заботливо повязала ему салфетку, чтобы он не испачкал одежду. Перед ним уже лежал аккуратно нарезанный стейк.

— Давайте ужинать, — сказал Уилсон, сидевший напротив, и положил Элу и Вире по очищенной креветке.

Всё шло как обычно, но Уилсон и Вира вскоре заметили, что с Элом что-то не так. Он не ел.

Сначала Вира не придавала этому значения. Она лишь погладила Эла по животу и обеспокоенно спросила:

— Эл, у тебя животик болит?

Эл покачал головой.

— Может, ты тайком ел сладости в комнате? — подхватил Уилсон.

Эл снова покачал головой.

Теперь Вира забеспокоилась:

— Животик не болит, ничего другого не ел, так почему же ты сегодня не хочешь кушать?

Эл сидел неподвижно. Какие бы ароматные и аппетитные блюда ни подносили ему к губам Уилсон или Вира, он оставался непреклонен.

Маленький мальчик сидел за столом, его золотистые волосы и голубые глаза блестели в свете

ламп. На шее у него была повязана большая салфетка. Если бы он время от времени не отворачивался от подносимой еды, его можно было бы принять за большую изысканную фарфоровую куклу.

Сегодня Эл объявил голодовку.

На следующее утро Эл не пришёл в детский сад. Фэйфэй забеспокоился, что он заболел, и пошёл спросить у воспитательницы.

Воспитательница кивнула и сказала:

— Да, только что звонил папа Эла. Сказал, что Эл сегодня заболел и не сможет прийти.

«Заболел», — Фэйфэю стало жаль Эла. Он по себе знал, что болеть очень неприятно.

— А он сильно болен? Можно мне после садика навестить его?

Воспитательница с улыбкой посмотрела на этого малыша, которого любили все в группе «Гого», да и во всём детском саду.

— Точно не знаю, как он. Если ты беспокоишься, можешь позвонить ему домой. Эл наверняка обрадуется твоему звонку.

Фэйфэй подумал, что это хорошая идея, и, указав пальчиком на телефон на столе, спросил:

— Учительница, можно я позвоню Элу?

— Конечно.

Фэйфэй набрал номер дома Эла. Ответил Уилсон.

— Алло? Дядя, это Фэйфэй, друг Эла. Учительница сказала, что Эл заболел. Ему очень плохо? Он сильно болен? — в голосе малыша, даже через телефонную трубку, слышалось беспокойство.

Уилсон, услышав голос Фэйфэя, почувствовал себя так, словно к нему явился спаситель.

За это утро Эл его совершенно измучил. После отказа Эл не кричал и не скандалил, а выбрал

куда более радикальный способ протеста.

Он не только перестал разговаривать, но и отказался от еды. Молчание ещё можно было вытерпеть, Уилсону не привыкать к холодной войне. Но ребёнок не ел уже два приёма пищи, а скоро и третий. Так ведь можно и здоровье подорвать.

— Эл не болен. Но он вчера поссорился со мной и уже два раза не ел. Фэйфэй, я хотел бы попросить тебя после садика прийти к нам с друзьями, может, ты сможешь мне его уговорить?

Главное было, чтобы пришёл именно Фэйфэй.

Сначала Уилсон не замечал ничего необычного.

Но Эл... в тот день, после встречи с Фэйфэем, он вернулся домой и, ещё не освоив язык страны С, на своём родном языке без умолку твердил о «маленькой конфетке».

Эл хвастался, что нашёл конфетку, которую так долго искал. Это была его самая любимая маленькая конфетка.

С тех пор Уилсон решил больше не вникать в то, какие тайны и связи существуют между семьёй Цуй, господином Ли, о котором говорил Цуй Гуан, Фэйфэем и семьёй Линь. Ради Эла он решил оставить это в покое.

В стране С есть поговорка: «Редкая глупость — благо». Уилсон счёл её очень мудрой.

Состояние Эла значительно улучшилось. По крайней мере, он теперь знал, что такое радость. Но, возможно, из-за последствий преждевременного переходного периода его способность к сопереживанию всё ещё была слабее, чем у других детей.

Он не мог разделить чужие радости и печали. Маленький ребёнок просто не понимал тревоги и беспокойства родителей, когда он отказывался от еды.

Уилсон не решался прибегать к силе, боясь вызвать ещё более бурную реакцию.

В отчаянии он решил попросить помощи со стороны.

Услышав, что Эл не болен, а просто поссорился с папой и не ест, Фэйфэй тут же согласился на приглашение Уилсона. Не дожидаясь вечера, он в обеденный перерыв вместе с компанией друзей отправился к Уилсону домой.

Фэйфэй с неодобрением смотрел на невинное лицо Эла. Его пухлые щёчки выглядели очень серьёзно. На этот раз Фэйфэй был по-настоящему зол!

— Если Эл не будет кушать, он не вырастет. А когда вырастет, станет маленьким гномиком, даже ниже Фэйфэя, — пригрозил он.

Эл оставался невозмутимым, но его пальцы, скрытые от глаз Фэйфэя, дрогнули.

Фэйфэй этого не видел, зато Уилсон, стоявший за спиной Эла, всё заметил. Он тут же начал активно жестикулировать, показывая малышу, чтобы тот продолжал в том же духе.

— Эл знает Яояо?

Эл не ответил, но кивнул. Яояо был младшим братом Фэйфэя, он его видел.

— Яояо — младший братик, но если Эл не будет кушать, Яояо скоро станет выше Эла. И когда Яояо тоже пойдёт в садик, он будет называть Эла младшим братиком.

Рука Эла за спиной снова дрогнула.

Он не понимал, при чём тут это. Это была их ссора с Уилсоном, он просто немного запротестовал. Зачем Уилсон так поступил с ним, позвал Фэйфэя, который теперь говорит, что он станет маленьким гномиком?

Уилсон, ты играешь не по правилам!

Уилсону было всё равно, по правилам или нет. Главное, чтобы работало.

Наконец, когда Фэйфэй почти закончил свою тираду, а рука Эла за спиной уже несколько раз дрогнула, Уилсон выступил вперёд с компромиссом:

— Давай так, Эл, договоримся. Вы продолжайте рисовать свой дизайн для парка, обсуждайте всё со мной. Когда закончите, я представлю ваши чертежи на совете акционеров и сделаю всё возможное, чтобы вас поддержать.

В конце Уилсон присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с Элом, и искренне сказал:

— И хотя твой проект не утверждён заранее для парка, для меня и Виры ты всегда будешь утверждён заранее.

Ха, сегодня он это понял.

Семья Линь — 13%.

Семья Цуй — 12%.

Семья Чу — 10%.

Семья Чжан — 10%.

Остальные — по мелочи, можно не считать.

Фэйфэй из семьи Линь, Цуй Юань из семьи Цуй, Чу Сяохань из семьи Чу, Чжан Хэнжуй из семьи Чжан, плюс их собственный Эл. Вместе это больше 50%.

Достаточно каждому ребёнку договориться со своими родителями, как Эл договорился с ним, и дело в шляпе.

<http://bllate.org/book/13654/1600230>